

Сомов Орест

Матушка и сынок

Орест Михайлович Сомов

Матушка и сынок

Повесть

...В ребенке будет прок!

Хмельницкий

Лет за тридцать тому, в деревне, вдали от губернского города и почти за две тысячи верст от столицы, родился Валерий Терентьевич Вышеглядов. Родитель его был совестный судья, который в свое время бессовестно грабил правого и виноватого и наконец таким (хотя и не вовсе невинным) ремеслом скопил себе, как обыкновенно говорят эти господа, посильный капиталец и купил на оный деревушку, приносившую годового дохода тысяч до десятка. Супруга его Маргарита Савишна была дочь Саввы Сидорыча Пудовесина, который из подрядчиков по торговой прогрессии дошел до звания именитого гражданина. И как еще в качестве подрядчика был он принят (чем всегда хваливался) в лучших домах, у графов и князей, и даже нередко вхаживал к ним в гостиные, хотя и никогда там не сиживал - то имел случай ко всему приглядеться, или, говоря собственным его выражением, понаторел. Поэтому-то старался он дать своей дочери самое лучшее воспитание, т. е. как он понимал сию статью позволяем себе другое выражение из торгового словаря г-на Пудовесина. Маргарита Савишна пробыла года три в пансионе у немки Мадамы и дошла до такого совершенства, что говорила без запинки мон-киор, ма-шер и ее сюперб по-французски, наигрывала на фортепиано "Войди в чертог ко мне златой" и "Желанья наши совершились". Но высшею степенью своего образования была она обязана собственно себе и достигла оной тем, что читала без исключения все романы и повести, которыми матушка Москва уже около полу столетия снабжает самые отдаленные уголки Российской империи. Многие из жителей столицы, может быть, не знают, каким образом в дальних провинциях нашего отечества производится продовольствие сими умственными потребностями; таким имею честь донести, что в осеннюю и зимнюю пору заезжают к областным нашим помещикам разносчики с книгами, эстампами московской гравировки (носящими у них бессменно название картин), дурною помадой, мылом и шоколадом, который на вкус ничем не лучше мыла, одним словом, со всякими мелочами и безделками... Разумеется, последнее сказал я не о книгах: ибо иную из них и прочесть не безделка. Помещик велит подать себе реестр, в коем нечеткою рукою весьма неисправно написаны заглавия книг; потом приказывает впустить разносчика в переднюю

И книжного ума брадатый продавец вносит полдюжины лубочных коробов с печатным и прочим товаром.

Помещик отбирает "Повесть о двух турках", похождения маркиза Г***, Соведрала, Ваньки Каина, "Полночный колокол", "Пещеру смерти", романы и повести Коцебу и пр. и пр.; к этому иногда присовокупляет он Наставления о пчеловодстве, Конский лечебник, Повариху постную, иногда даже "Твердость духа", "Храм славы", "Путешествие в Малороссию", "Гамлета", пересозданного г-м Висковатовым, - словом, всякую рухлядь, завалившуюся в

московских книжных лавках и проданную коробами кочевому книгопродавцу. Тут начинается торг. Разносчик, как почти всегда водится, человек неграмотный, призывает письменного своего мальчика и заставляет его прокрикивать звание и цену книг по реестру тем же звонким, резким и однозвучным голосом, каким он в свободное время читает Бову Королевича и Еруслана Лазаревича. Помещик сбавляет цену, разносчик дорожится; наконец стакан водки делает его уступчивее - и торг заключается. Нередко помещик покупает весь печатный товар коробами, не заботясь о том, что в каждом из них положено по пяти или шести экземпляров одной книги: он тем не менее расставляет их по полкам, подбирая, подобно Богатонову, большие к большим, а малые к малым.

Простите меня, милостивые государи, за длинное отступление: я хотел вам доказать, что и деревенские наши господа и госпожи не вовсе лишены благотворных лучей книжного света, хотя оные и доходят к ним сквозь тусклую призму затасканных переплетов московского изделия.

Однако я клянусь моим Пермским богом, Что буду продолжать обыкновенным слогом; Итак, дослушайте ж...

Маргарита Савишна читала без изъятия все романы и повести, переведенные или сочиненные на Руси долготерпеливой. Это давало г-же Вышеглядовой некоторый род преимущества между всеми соседними барынями, которые единогласно признавали ее самую умною и ученою дамой, хотя и не любили ее за надменный и жеманный тон, с каковым она их принимала, хотя и не понимали высокопарного разговора, коим она их потчевала. В молодых ее летах круг действий в деревенском околотке показался ей слишком ограниченным; даже уездный, даже губернский город все еще были тесны для ее растущего самолюбия. И как она приобрела некоторую силу ума над супругом своим, Терентием Ивановичем, - *Du droit qu'un esprit vaste et ferme en ses desseins A sur l'esprit grossier des vulgaires humains* - ибо сам Терентий Иванович называл ее умницею и твердо помнил, что она принесла за собой в приданое сто тысяч наличными, то однажды она уговорила его ехать в Москву. "Славны бубны за горами! - твердила она своим знакомым, возвратясь оттуда. - В Москве только и дела, что скачут данаряжаются; не с кем отвести душу, поговорить об ученых материях". - Так она думала или так говорила о Москве в отмщение за то, что ее сочли там смешною и странною провинциалкой.

Благополучный союз Терентия Ивановича с Маргаритою Савишной был наконец благословлен рождением сына, которому романическая маменька велела дать романическое имя Валерия, хотя батюшка и желал окрестить его по дедушке Иваном. Сельский дьячок, латинист, поэт и школьный учитель, воспел его рождение одою, которая ничем не была толковитее "Оды в громко-нежно-нелепо-новом вкусе", ибо в ней горы плясали, как говяда, и круглолицый месяц, уставя тускло-светлый зрак, с улыбкою любовной глядел на первенца Маргариты Савишны. Но как ода сия оканчивалась замысловатою игрою слов на латинском языке: "*Vale, Valeri*", с приличным истолкованием, и подписана была: "Грешный пиит и богомолец Евсей Вакулов", то грешному пииту и богомольцу выдано было из казны Терентия Ивановича полтина медью да из барской его житницы куль ржаной и две мерки пшеничной муки - щедрость, истинно меценатская и дотоле неслыханная в селе Закурихине!

Валерий Терентьевич рос до осьми лет, как деревце, или просто сказать, как избалованный сыночек сельского помещика. Временем, а особливо в зимние вечера, когда нельзя было бегать по двору и поддирать воробьиные гнезда, матушка сажала его подле себя и рассказывала ему волшебные сказки из "Тысячи и одной ночи". Это заохотило Валерия Терентьевича самого читать книги, а чтобы читать, надобно учиться. И так, благословясь, на девятом году посадили его за грамоту. Дьячок-пиит, с указкою в руке, проходил с ним букварь; Маргарита Савишна часто сама на досуге прослушивала уроки - и в полгода ребенок научился читать по складам и по верхам. Курс его учения казался батюшке весьма полным, но матушке - женщине с высшими взглядами, по-тогдашнему - очень недостаточным; и она, не смея по

родительской любви требовать, чтоб отослать сына по крайней мере в народное училище, сильно настояла на том, чтобы принять в дом учителя француза, который бы показывал ребенку французский язык, танцевание, рисование - словом, все, что входило в объем собственных ее понятий. Но Терентий Иванович упрямылся. "И, матушка! говаривал он. - К чему набивать ребенку голову лишними затеями? да и как его поручить иноземному сорванцу? Ты сама у меня умница-разумница: у кого ж сыну и набраться ума и ученья, коли не у тебя!" Таковою тонкою лестью Терентий Иванович всегда достигал своей цели. Родительская любовь согласовалась в нем с хозяйственными расчетами: не обременить голову ребенка было на языке его в некотором смысле перевод тайного голоса его сердца: не опорожнить своего кошелька. Переупрямить его в сем случае было трудно, и Маргарита Савишна решила последовать благородному назначению, о котором намекал ей супруг: быть самой воспитательницею своего сына, образовать юный ум его и сердце.

Милостивые государи, милостивые государыни! вы, конечно, читали в романах, в романах чувствительных, какое райское наслаждение для матери внушать первые впечатления, вдыхать первые понятия в душу ее питомца-сына. Вообразите же, что и Маргарита Савишна все это читала, что и она все это чувствовала, когда сажала своего Валеньку за "Тысячу и одну ночь" или за "Влюбленного Роланда". Как трепетало от радости материнское сердце ее, когда ребенок, с пламенеющим лицом, с жадным взором, взвизгивал чудесные приключения людей, превращенных в рыб, или невероятные побоища храбрых витязей с великанами и чародеями! Как воздымалась полная грудь ее (которую персидский поэт не напрасно уподобил бы двум холмам, подпирающим небо), когда вечером Валенька, вооружась деревянным мечом Смертодавом, сбивал в саду маковые головки или пробивал насквозь копьем - деревянным же - большие цветы подсолнечника, воображая их себе щитами заколдованных великанов! Когда изо всех сих подвигов выходил он здоров и невредим, благодаря очарованной броне, т. е. фуфайке, сшитой верными руками его нянюшки! О! эти первые наслаждения матери, предвкушение будущей ее гордости своим сыном, будущим героем, знаменитым министром, дипломатом, ученым, поэтом и пр. и пр. ...эти наслаждения ни с чем сравниться не могут!

Правда, и Валенька подавал о себе самые лестные надежды. В десять лет он читал почти без запинки, а в одиннадцать уже прочел все томы "Тысячи и одной ночи", всего "Влюбленного Роланда" и даже старинную "Историю о разорении Трои, столичного града Фригийского царства". Мало того: он даже рассуждал о прочитанном. Иногда находил он в голове своей некоторые сомнения о некоторых необыкновенных происшествиях, как, например, о людях, превращенных в рыб и жарившихся на сковороде, которая, как он судил по сравнению с поваренною посудой бабушкиной кухни, все же не могла быть более аршина в поперечнике; или об ужасных ударах, от которых распадалась целая каменная гора, а не распадалась голова Роландова. Иногда же, сам стыдясь своей тупости, не понимал он конского достоинства, в которое жаловал древних витязей славяно-русский переводчик "Истории о разорении Трои". Но пылкое воображение юного чтеца чаще всего сглаживало шероховатую тропу сомнений или перескакивало через границы непонятного и несло Валерия на крыльях своих в очаровательный мир мечтаний.

Детский возраст не остается при одних мечтах: он требует действительности или, по крайней мере, деятельности. То же самое пылкое воображение олицетворяло и воплощало для Валерия все чудеса, созданные сказочниками арабскими и поэтами итальянскими. Ноги одиннадцатилетнего кандидата в рыцари были его Ипогрифом и носили его за облака, если позволят так назвать соломенный навес, служивший вместо сушильни. Оттуда глаза его обзревали неизмеримую даль - до самых крайних пределов огорода, в котором сушильня была поставлена. Мы уже видели, как победоносно юный витязь наш ратовал с маковыми головами Аграмантов, Сакрипантов и других неверных богатырей и с заколдованными щитами подручников их, злобных исполинов-подсолнечников.

Но детский возраст не вечен. Наступала для Валерия другая пора, пора юности пылкой,

мечтательной, полной страстями. Батюшка его между тем слабел телом, но не духом, ибо все еще копил деньги и не давал их слишком тратить даже своей супруге... Даже своей супруге! легко сказать. Это она чувствовала и притом помнила, что большая часть имения принадлежит ей; что она вправе располагать, по крайней мере, наличными суммами по своей воле; что время ее Валеньки улетает; что ему пора узнать иностранные языки, пора учиться словесности и всему прочему; чувствовала, помнила - и поставила на своем, т.е. переупрямила своего сожителя. Терентий Иванович, скрепя сердце, должен был выписать из Москвы гувернера-француза и дядьку-немца (сии тонкие различия были предписаны Маргаритою Савишной), а сверх того ехать в губернский город и приискать там учителя-семинариста, который бы обучил Валеньку всем возможным наукам. В ожидании прибытия француза и немца, которых уже одни путевые издержки пугали деньголю-бивое воображение Терентия Ивановича, сей последний утешался, по крайней мере, тем, что за самую сходную цену нашел желанного семинариста и привез его с собою на облучке. Семинарист, в долгополом китайчатом сюртуке, с бурым - некогда черным платком на шее, явился пред ясные очи Маргариты Савишны для предварительного испытания в науках, которые он должен был преподавать Валеньке и в которых Маргарита Савишна считалась и сама себя считала весьма сведущею.

- Ты учился, дружок? - был первый вопрос ее, после низкого поклона и краткой приветственной речи вежливого семинариста.

- Учился, премногомилостивая государыня! - отвечал он с новым поклоном.

- Чему же учился ты?

- Всему, от Инфимы и Синтаксимы до Богословия.

- А! хорошо! знаю. Поэтому тебе должны быть известны: зоология, филология, антропология, космология, хронология, этимология, орнитология, патология, метеорология, идеология, минералогия и мифология? Семинарист отвечал только поклоном.

- Также астрономия, биномия, агрономия, анатомия, метрономия и политическая экономия? Ни слова, и поклон.

- А логика, физика, геральдика, грамматика, гидравлика, тактика, пиитика, ботаника, материя-медика, риторика, этика и арифметика? Молчание, и новый поклон.

- География, стенография, орфография, гидрография, каллиграфия и хорография?

Тоже молчание, и еще поклон.

Маргарита Савишна приостановилась, между тем как Терентий Иванович восхищался столь разнообразными знаниями своей супруги. Молчание - знак согласия, слышала она; следовательно, семинарист соглашался, что знал все вычисленные ею науки (которых название - скажем в скобках - выписывала она в свободные минуты на особых листках из лексикона и других книг и затверживала наизусть для своего ученого обихода). Однако же сомнение - сей заклятый враг великодушного убеждения, как говаривал новый наш знакомец, семинарист злобное сомнение колебало дух Маргариты Савишны.

- Так ты знаешь все эти науки, голубчик? - покусывая губы, спросила она опять семинариста, который прямо смотрел ей в глаза.

- Знаю кое-что по силе возможности, многомилостивая государыня; но ваше благоутробие изволили наименовать многие такие науки, которые не преподаются в семинариях.

- Как не преподаются? куда же годятся ваши семинарии? Чему же вас там учат? Поэтому ты

очень мало знаешь?

Студент был, как говорится, малый не промах; его недаром товарищи прозвали медным лбом. Он уставил большие свои глаза свинцового цвета на Маргариту Савишну, поклонился ей пренизко и отвечал:

- Милостивая и премногомилостивая государыня! поелику мудрейший из человеков, *divinus ille Socrates*, говаривал: "Я только то знаю, что ничего не знаю", то мне ли, малейшему в братии моей и последнейшему в доме отца моего, похваляться знаниями, которыми Бог сподобил просветить слабое мое разумение? И пред кем? пред ученейшею и разумнейшею из жен благородных! пред оною, что превосходит лепотою Юдифь и Вирсавию, целомудрием Сусанну и дочерей Лотовых, мудростию же Эсфирь и царицу Савскую! Мне ли, смиренному, возвысить глас мой там, где сама олицетворенная мудрость председательствует в лице вашем? О! да мимо идет сей фиял гордыни и самонадеяния! Я же, уничиженно припадая к стопам вашего благоутробия, взываю: пред вами я безгласен, аки рыба, и глуп, аки пень древесный!

Сей поток красноречия, сия похвальная скромность, разведенная сахарною сытою лестю, весьма понравились Маргарите Савишне. Она улыбнулась весьма благосклонно и, по-тупя взор свой с самодовольною ужимкой, сказала: "Знаю я вас, господа ученые! Все вы говорите, будто запас сведений ваших скуден; а дойдет до дела, так откуда что возьмется: и ученость, и отборные слова польются рекою".

Студент поклонился с таким видом, который ясно говорил: ты не ошиблась; и обе состязавшиеся стороны расстались гораздо довольнее друг другом, нежели сначала были. Всех же довольнее был Терентий Иванович, который дешево отделался в полном смысле сего выражения: и успел угодить своей супруге, и не слишком истратился.

Круг познаний Валерия Терентьевича Вышеглядова на 14-м году его возраста весьма распространился; ему преподавали: грамматику, арифметику, пиитику Аполлоса, логику Баумейстера. Наконец приехали из Москвы француз, молодой и развязный щеголь, бывший камердинером у камердинера какого-то вельможи, и немец, отставленный по болезни в ноги и еще другой непоименованной слабости берейтор и паяццо труппы скакунов на лошадях и плясунов на канате. Первый выдал себя за воспитанника Парижской академии наук и предъявил диплом, написанный на большом листе с чудно разрисованными и раскрашенными каймами и диковинною печатью. Диплом сей, заключающий в себе самые лестные засвидетельствования ума, учености и редких дарований, скреплен был весьма многими подписями славнейших академиком; и какой-нибудь привязчивый хронолог, судя по летам г-на Тирботта (так назывался француз), нашел бы явные анахронизмы в сих подписях; ибо тут были имена Вольтера, Дидрота, д'Аламбера, Мопертюи, Шамфора, Лагарпа и пр. и пр. - словом, почти всех энциклопедистов и других отживших знаменитостей XVIII века. Другой учитель, т.е. немец, сказал о себе просто, что он доктор всех наук и всех германских университетов; но что оставил все свои дипломы в Москве, ибо их столько набралось и они так огромны и тяжеловесны, что для них надобно было б нанимать особую подводку. Поверив одному, помещики села Закурихина не видели никакой причины не поверить на слово и другому; особливо Терентий Иванович скорее всех убедился доказательствами немца и еще благодарил его за столь благоразумную расчетливость, смекнув, что на 1м лишней подводки поставлен был бы на счет его же, Терентия Ивановича, и, следовательно, ввел бы его в новый убыток. А что прибыли в этих размалеванных дипломах? Немец был как немец и, конечно, говорил на своем языке без запинки; иног и не требовал от него Терентий Иванович. Притом же нахмуренный вид, беззубый рот, удушливый кашель и брюзгливая, отчасти похожая на кривлянье усмешка Адама Адамовича Гросшпрингена заявляли глубокий ум его, а огромный, рыжий его парик ясно показывал, что под ним-то гнездилась вся ученость. Оба сии профессора (они не величали себя иначе) учили Валерия почти так, как учат попугаев, и хвалились легкостью своей методы преподавания; за книги они редко

принимались, сберегая их, по выражению Грибоедова, для больших okazji.

Юный их питомец с жадностью пожирал первенцы плодов учения: лепетал по-французски, сбиваясь отчасти на гасконское произношение, и твердо, резким голосом выкрикивал слова на так называемом плат-дейч; ездил верхом в прыгал какие-то затейливые па под руководством Адама Адамовича, кланялся и шаркал весьма грациозно в подражание мосье Тирботту. Русское ученье не так легко давалось ему: во-первых, потому, что и науки казались ему несколько скучными, а во-вторых, что и сам его учитель, семинарист, гораздо охотнее сиживал за обеденным столом, нежели за учебным.

В осьмнадцать лет Валерий Терентьевич слыл уже самым благовоспитанным, самым ученым и самым ловким молодым человеком во всем околотке села Закурихина. Француз, немец и семинарист уже были отпущены из дома г-д Вышегля-довых с одобрительными свидетельствами и с приличным награждением, к немалому прискорбию Терентия Ивановича. Матушка начала вывозить Валерия с собою в гости к ближним и дальним соседям, чтобы, как говорила она, ввести его в свет. Случались ли у кого-нибудь из достаточных помещиков их округа именины, храмовой праздник или другое какое собрание, - Маргарита Савишна, разряженная в пух, являлась там с сынком своим и говорила с ним не иначе как по-французски, поглядывая вокруг себя с гордым и самодовольным видом. "M. Valere, dites au cocher qu'il donne la carosse; - M. Valere, demandez a Яшка mon salope; - M. Valere, ne vous refroidissez pas en dansant" сии и подобные фразы поминутно спархивали у нее с языка и удивляли сельских дворян отличною образованностию матушки и сына, которые, по общему сознанию, "за французским языком в карман не ходили".

Пора юности пылкой, мечтательной, полной страстями, предсказанная нами за несколько страниц пред сим, теперь уже наступила для Валерия Терентьевича Вышеглядова. Воспитанный на романах, выученный всему, как птица певчая по серинетке, Валерий сам во глубине души соглашался с теми из своих соседей, которые видели в нем осьмое чудо света; но он был скромнен, вежливо кланялся, усердно целовал ручки дамам, отвечал всем и каждому да-с и нет-с, - словом, ни в чем не похож был на Евгения Онегина, за что, без сомнения, добропорядочные наши журналисты похвалят моего Валерия Вышеглядова. Следствием такого поведения было то, что все любили его столько же, сколько не жаловали пышной и надменной его матушки. Первое в жизни горе поразило его около этого времени: родитель его, Терентий Иванович, день ото дня становившийся более хилым и немощным, наконец, вопреки злоречивой отметке эпитагматиста, горизонтально кончил век, т. е. умер своею смертию, как говорит наш добрый народ о тех, которые не погибли от руки палача, от ножа разбойничьего или от когтей медведя и других подобных казусов. Валерий Терентьевич в глубокой печали, о которой свидетельствовал черный его фрак с широкими плерезами чуть ли не по всем швам, поникнув головою, шел за гробом своего батюшки и плакал горькими слезами в назидание всех, видевших его во время погребальной процессии. Матушка его, соблюдая приличия, свойственные особам высшего звания, к коим причисляла она себя, скрыла свою горесть в уединении внутренних комнат; однако же, как женщина с твердым духом и удивительною способностью соображения, испросила себе законным порядком право опеки над именем своего сына до совершеннолетия сего последнего.

Год траура мать и сын провели в строгих правилах наружной скорби, сей установленной приличиями вывески скорби внутренней (хотя, как и все другие вывески, она не всегда может служить надежною порукой в неподдельности того, что ею возвещается). Во весь этот год Маргарита Савишна никуда не выезжала, никого не принимала; она и Валерий почти непрерывно читали вдвоем, читали романы, которых выписали они из Москвы огромный запас, основываясь в выборе заглавий на одобрительных свидетельствах объявлений, помещаемых в прибавлениях к Московским Ведомостям и составляемых сметливыми издателями-книгопродавцами. Объявления сии хотя не служат доказательством грамотности своих сочинителей, но взамен того сколько пышных, заученных похвал, сколько восклицаний, сколько точек они в себе заключают! Маргарита Савишна и Валерий всегда с жадностию их

пробежали, увлекались высказанными в них достоинствами новых произведений московской книжной промышленности - и почта за почтой отправляли в Москву деньги, с тех пор как Терентий Иванович успокоился в гробе, и некому стало ворчать и жаловаться на лишние и бесполезные издержки.

Чтение сих книг действовало совершенно различно на мать и сына. Маргарита Савишна страстно любила разбойничьи замки, блеск кинжалов, похищение несчастных героинь и тайные заговоры душегубцев под окнами невинной жертвы, обреченной на убиение и заключенной в тесной комнате восточной либо западной башни. Словом, воображение Маргариты Савишны, женщины с сильным характером и крепкими нервами, услаждалось только романической кровью, дышало атмосферою темниц, питалось запахом убийств; она, так сказать, жила ужасами. Напротив того, Валерий Терентьевич, юноша мягкосердечный, пленялся исключительно романами чувствительными, симпатией двух нежных сердец, бедствиями юных любовников, разрозненных судьбою и несправе дливостию людей.

Откройся мне, о милый сын природы! Что сладкое твой окропило взор? мог бы спросить у него сочувствующий ему сентиментальный поэт или путешественник, увидя на глазах его слезы, слезы чувства живого и доброго, исторгнутые чтением жалостных приключений, коими заунывные наши Стерно-Вертеры долго и безжалостно терзали тоскливые сердца своих читателей.

Это различие во вкусах матери и сына наложило печать свою на самые их поступки, и даже на семейственные их отношения друг к другу. Маргарита Савишна во всем изъявляла твердую волю, решительность и некоторое величавое упорство; Валерий Терентьевич, напротив, считал себя существом чисто страдательным, покорнейшим слугою обстоятельств и чужой воли. Диво ли, что мать совершенно овладела им? и если от этой противоположности понятий и целей не происходило у них до сей поры домашних несогласий, то причиною тому было убеждение Валерия Терентьевича, что он создан для того, чтобы страдать, чтобы люди и введенный ими порядок враждовали с ним и подчиняли его своему игу; словом, что он несчастный, нелюбимый сын природы и родился для меланхолии, безответной грусти и слез.

Таким образом, когда по совершении Валерию девятнадцати лет матушка объявила ему, что он должен путешествовать, и по крайней мере года четыре, он беспрекословно уложил в чемоданы белье, платье и книги свои, сел в коляску с старым камердинером отца своего Трофимом Чучиным и отправился куда глаза глядят. Нужно прибавить, что Трофим Чучин, произведенный Маргаритою Савишною в походные менторы ее сына, был старик себе на уме, особливо же в высшей степени одарен был общею почти способностью русских слуг: подсматривать и подслушивать, что делают господа их. Кроме того, он был расторопен, скромн, усерден (в особенности к барыне, которую всегда и все признавали главою дома) и верен - когда дело не доходило до денег. Он принял от Маргариты Савишны некоторые тайные наставления и шкатулку с предписанием: выдавать из нее Валерию Терентьевичу по его требованию, ио ие более полусотни червонцев разом, и вести путевые и прочие расходы. В заключение всего ему было обещано, что если он благополучно совершит путешествие с молодым своим барином и представит его обратно подобру-поздорову, то будет награжден по заслугам и даже получит отпускную на волю. Сколько причин для сметливого старика служить и прямить Маргарите Савишне, и какое обширное поле для его небескорыстной расчетливости!

Из одного уездного города той же губернии, в которой Маргарита Савишна пребывала здраво (говоря поэтическим языком Тредьяковского), получила она от сына своего письмо следующего содержания:

"Дражайшая родительница! Милостивая государыня, матушка Маргарита Савишна!

Еще я странствую под отечественным небом, в нежных объятиях сладостного воздуха родины, хотя и совершил уже значительный переезд, а именно почти шестьдесят верст от колыбели лучших дней моей жизни и свидетеля первых моих восторгов, села Закурихина. Благословляю сей мирный приют моего детства и посвящаю ему от сердца капли благородных слез!.. Оставляю на минуту перо... Сердце мое сжалось: какая-то мрачная тоска завивается в нем... и письмо сие, омытое моими слезами... Но поглощу в себе сие чувство безотрадной грусти и стану продолжать далее.

Мы выехали из Закурихина под благоприятнейшими предвестиями: солнце текло по небесному пути своему, птички пели по рощам, бабочки порхали по лугам. Дорогою встречались нам интересные крестьянки в изорванных сарафанах, как толпа фараонитов, с граблями на плечах и с громкими звуками национальных песен, сладостных в своей дикости... Природа неизмеримо глубокая и вечно юная! благоговею пред тобою!..

Вечером мы приехали в городок*** - не хочу назвать его по имени, чтобы доставить будущим моим читателям удовольствие догадываться. Жалостная группа бедных ребятишек окружила нашу коляску и с криком просила подаяния. Осушив платком слезу душевного участия, выкатившуюся из глаз моих, я вынул кошелек и роздал им все мелкое серебро, которое имел при себе.

Добрый верный мой Сысоевич Чучин сообщил мне благую мысль, с которою я тогда же согласился. Он сказал мне, что, прежде нежели я увижу страны далекие, чуждые, мне должно покороче познакомиться с моим отечеством. Мысльпревосходная! Добрый, добрый Сысоевич! будь по совету твоему! - Россия! отечество! тебе первый вздох благодарного сыновнего сердца!.. Хочу проникнуть в самые тончайшие фибры, бьющиеся в груди твоей, и остаюсь в городке*** по крайней мере на две недели.

Не беспокойтесь же обо мне: еще меня лелеет атмосфера родины. Посылаю вам вздох и слезу прощения.

Ваш всепокорнейший слуга и сын,

Валерий Вышеглядов".

Вместе с сим письмом Маргарита Савишна получила донесение Ментора Сысоевича Чучина, который уведомлял госпожу свою весьма подробно и поименно о городе, улице и доме, где путешественники наши остановились, и заключил отчет свой сею успокоительною фразой: "При его благородии Валерии Терентьевиче, а так равно при экипаже и поклаже все обстоит благополучно".

Прямодушный повествователь приключений Валерия Терентьевича Вышеглодова и дядьки его, Трофима Чучина, я не скрою от читателей моих истинной причины, внушившей сему последнему ту патриотическую мысль, которую сообщил он юному своему Телемаку. Сысоевич, как выше сказано, одарен был редкою сметливостию, особливо в тех случаях, которые могли наполнить деньгами карманы его поношенного сюртука, сшитого из синего домашнего сукна. Он тотчас смекнул, что за границею, по незнанию чужеземных языков, должен он будет поневоле передать все денежные сделки в руки своего барина; притом же, что выторгуешь в Немечине (так называл он все чужие края)? Он слышал, что там не торгуются, не то что у нас, особливо в уездных городках. Следствием этого умного соображения было твердое намерение удержать сколько можно долее господина своего в Русском царстве, и лучше всего на родине, т. е. в той губернии, где он родился, и в соседних с нею. Там нравы жителей и цены припасов были совершенно известны Сысоевичу; там мог он торговаться вволю и, по словам его, зашибить копейку. Но Сысоевич знал, что хотя он и облечен был в почетное звание барского дядьки, однако же не мог действовать самовластно; знал также, с которой стороны можно было подъехать к молодому его господину - со стороны

чувства, истинного или ложного все равно, лишь бы тут была тень чувства. Еще на первом переезде Сысоевич, сидя в коляске подле Валерия Терентьевича, повел речь стороною, что Лукерья Минишна, нянька Валериева, горевала об отъезде своего вскормленника, а пуще всего о том, что он ехал к нехристам, не наглядевшись прежде света божьего на святой Руси, между православными. К этому Сысоевич прибавил и свое замечание, вставленное как бы невзначай, что русскому дворянину гораздо нужнее и полезнее знать свой родимый край, нежели то, что делается у немцев и французов. Каковы ни были тайные побуждения Трофима Чучина, но мы должны сознаться, что мысль его в основании своем была справедлива. Сила его логики убедила Валерия Терентьевича, и доказательством сего убеждения служит предположенное им двухнедельное пребывание в уездном городке, которого имя скрыл он с столь замысловатой целью в письме к своей матери.

Сысоевич того только и ждал. Едва въехали они в город, как сей неутомимый человек выскочил из коляски и пустился из двора во двор по ветхим домикам, стоявшим почти у самого въезда в непоказный городок. Вы легко отгадаете, зачем он пустился; а если нет, то, по обязанности верного историка, я скажу вам, что Трофим Чучин хотел отыскать в обывательских домишках квартиру поуютнее и подешевле. Это удалось ему вполне. Он нанял за самую сходную цену две отдельные комнатки в доме вдовы дьяконицы и просвирни. Поклажа была мигом выгружена, коляска подкачена под соломенный навес и Телемак-Валерий с Ментором Сысоевичем водворились в новом своем жилище.

Увы! расчетливый и благоразумный Ментор не предвидел, что жилище сие будет истинным островом Калипсы для юного спутника его! У просвирни была дочь Малаша, девушка лет шестнадцати, стройненькая, смазливенькая, белокуренькая резвушка, с личиком полным, белым и румяным, как свежий персик, манящий жадные взоры лакомого зрителя. Малаша жила с матерью своею через сени от комнат Валериевых.. Молодые люди встретились впервые в сенях, поклонились друг другу, стыдливо усмехнулись, покраснели - и сердца их сильно забились; а от чего? сами они не могли понять. Окна Валериевой спальни были прямо в огород просвирнин. Малаша поминутно туда выпархивала с легкостью птички то сорвать петрушки, то прополоть гряду с капустой, то полить любимые свои цветочки. Валерий безотходно сидел у окна. Глаза их всякой раз невольно встречались - и опять он и она усмехались стыдливо, и опять краснели, и опять сердца их бились, как будто хотели выскочить. Что это? любовь? - Да, любовь: первая любовь двух юных сердец, о которой Валерий так много начитался.

Наконец Валерий не мог долее сносить полноты своего сердца. Ему становилось душно, голова его горела, глаза покрывались какою-то теплою влагой при одном взгляде на Малашу. "Мелания! прелестная Мелания!" вскричал он однажды, как бы в забытьи, и мигом очутился в огороде. Подошел к красавице, хотел высказать ей все, что чувствовал - и вдруг смутился, оробел и мог только сквозь зубы пролепетать: "У вас на зиму много будет капусты..."

- Много, сударь, слава богу! - отвечала Малаша, нисколько не смешавшись.- Да и не одной капусты: посмотрите, сколько моркови, репы, луку...

- Ах! лук выедает мне глаза! - жалобно проговорил Валерий. - Я от него всегда плачу...- И слезы в самом деле навернулись у него на глазах.

- Ништо!-возразила девушка,- не кушайте сырого.

- Ах! я не ем... Я теперь ничего не ем!-вскричал Валерий в каком-то самозабвении.

- Ахти! ужли нездоровы? Не сглазил ли кто?

- Ты, ты меня сглазила, милая, прелестная Мелания!

- Я? Упаси господи! Да с чего мне? У меня же и глаз не черный.

- Так! Эти голубые глаза, эти небесные очи обворожили мое сердце...

- Вот что! - протяжно и вполголоса промолвила девушка, у которой светлая мысль промелькнула в голове, и глаза ее невольно потупились в землю.

- Мелания! милая, несравненная Мелания! ангел красоты и невинности! восклицал Валерий, более и более усиливая голос и почти не помня себя.

- Потихе, сударь; бога ради, потихе! Матушка услышит, либо кто посторонний, тогда мне беда.

- Что мне в том! Пусть слышит меня целый мир! Пусть само небо внемлет моим клятвам! Я твой, навеки твой!

- А коли ты не на шутку ее, господин честной, так на это есть поп да святая церковь, - отвечала вместо дочери своей просвирня, которая, услыша громкие речи в огороде, заглянула туда и подкралась молодым людям.

- Ах! - воскликнула Малаша.

- Ох! - вздохнул всюю грудью Валерий, но скоро оправился и отвечал просвирне:

- Ужли вы думали найти во мне злобного соблазнителя невинности? Нет! клянусь: намерения мои чисты, как душа моя. Дочь ваша будет подругою моей жизни - или никто в мире.

- Ну, то-то же! - молвила просвирня, поняв из этих, не совсем ясных для нее слов, что дело шло о законном супружестве. - Пишите к своим родным, а мы пока по-приготовимся; а там веселым пирком и за свадебку.

- Дайте мне срок... позвольте устроить все...

- И ведомо! Мы вас не тянем сейчас под венец. Уладьте все, как надо; а с Малашей вам пока не след шушукаться. Можете видаться с нею при мне, а не заглазно. Теперь милости прошу отсюда вон. Огород я запру на замок, и сама буду ходить в него; этой дуре не удастся больше продавать здесь глазки да слушать медовые речи. Прощенья просим!

Старуха вывела за руку дочь свою; Валерий отправился к себе в комнату, встревоженный, взволнованный и даже испуганный тем, что случилось, особенно безрассудно своею клятвой, которую считал он священным обязательством. Слезы, обыкновенное его прибежище в сомнительных случаях, обильными ручьями пролились из глаз его.

Беды росли и множились над нашим героем. Не одни Малаша и мать ее слышали его клятву: у него был свидетель гораздо опаснее. Трофим Чучин, вязавший на досуге шерстяной чулок, видел как барин его опрометью бросился вон из комнаты. Лукавый старик тотчас догадался, что это было недаром. Он вошел в спальню Валерия, притаился у отворенного окна и подслушал весь разговор в огороде, не проронив ни одного слова. Волосы стали дыбом на седой его голове. "Вот-те и отпуская! Вот-те и барские милости! Вот-те и награждение от госпожи!.. Не потерплю этого, хрычовка просвирня! Не дам тебе над нами насмеяться! Завтра же напишу к барыне, не то она отсчитает иное жалованье на моей спине... И я, старый дурак, уговорил его остаться здесь на две недели! Куда мой ум девался?.." Так ворчал он себе под нос, скрежеща с досады зубами; но когда Валерий возвратился в спальню, Сысоевич сидел уже на своем месте и по-прежнему вязал чулок, как будто ничего не знал и не подозревал.

Вечером хитрый дядька пытался уговорить своего молодого барина уехать из тамошнего городка прежде назначенного им срока. "Не поеду! - был ему ответ. - Судьба приковывает меня к здешнему месту; я не властен, я не могу бороться с нею..." Слезы помешали Валерию докончить.

Делать было нечего. Сысоевич на другой же день отправил к Маргарите Савишне письмо, в котором заключался полный донос о любви Валерия и в котором, разумеется, просвирня и дочь ее не были пощажены. Старуха была описана как страшная колдунья, поселившая в Валерия Терентьевича любовь к своей дочери приворотными корешками. Любовь! без ведома матери! замыслы тайного брака! Колдовство и, может быть, яд, и все неведомые силы природы, и вся бесовщина... Это взорвало мрачное воображение Маргариты Савишны, дочитывавшей в то время "Видения в Пиренейском замке". Казнь преступнице-колдунье, похищение юной ее дочери и заключение ее в подземелье, в которое можно было превратить винный погреб Закурихинского дома,- вс! это мигом отразилось в мыслях г-жи Вышеглядовой. Но когда холодный рассудок сменил пылкость первых ощущений, тогда дело приняло другой оборот. О горящем костре для просвирни нельзя было и думать: в наше время не жгут колдунов, да и доказать колдовство было делом сомнительным, даже невозможным. Короче, желанного костра нельзя было сложить ни за какие деньги. Похитить девушку? это, конечно, было легче; да каково отвечать перед судом? Теперь уже люди не пропадают так, чтоб и след простыл. Не те времена! Не возвратить уже блаженных средних веков, когда сильный мог давить слабого, сколько душе угодно; когда башни и подземелья безнаказанно наполнялись несчастными жертвами; когда подкупные убийцы всегда держали наготове кинжалы и яды к услугам руки мстительной и щедрой... Маргарита Савишна, перебирая все это в мыслях своих, тяжело вздохнула об испорченности нашего века.

Однако надобно же было на что-нибудь решиться. Средства, более простые, но зато более верные и безопасные, пришли ей в ум: разлучить Валерия с его нареченною невестой, увезти его и запереть у себя в доме, а между тем откупиться от старухи и подослать выгодного жениха к ее дочери... Прекрасно! тут и роман, роман полный: с завязкой, случайностями и развязкой. Прекрасно! да здравствуют романы! Они служат превосходным запасным пособием в подобных случаях. Ну какой бы человек, будь он хоть самый умный и рассудительный, мог подать лучший совет? А из романов и без посторонней помощи можно всему этому научиться. Да здравствуют же романы! Хвала и вечная память вам, Радклиф, Дюкре-Дюмениль, и прочие, и прочие... И Маргарита Савишна мигом отдала приказ, чтобы завтра же с рассветом была ей готова карета, запряженная шестернею, и чтобы с вечера еще переменные лошади отправлены были на полдороги к известному нам безыменному городку.

Между тем Валерий Терентьевич, не предвидя собиравшейся над ним грозы, таял в нежных чувствах подле Малаши. Месила ли она тесто, он жадным взором смотрел на обнаженные до плеч ее руки, любовался их движениями, сравнивал их белизну и нежность с белизною и нежнос-тию крупчатой муки и находил, что руки Малашины несравненно белее и нежнее; но он завидовал тесту, которое она ужимала в руках своих так мило, с такою роскошною негой и, можно сказать, почти с любовью! Он жалел, для чего сам он не тесто! Варила ли она щи, стоя перед большою русскою печью, он и тут любовался ею и сравнивал живой румянец ее разордевших щек с ярким пламенем горевших дров, а искры глаз ее с искрами, брызгавшими от угольев. Несла ли она ведра с водою, он опять любовался красивым наклоном ее тонкого стана, ее легкими перевалами со стороны на сторону, приятною игрой кругленьких ее плечиков, ее мерною поступью и находил, что лебединая шея красавицы несравненно гибче и стройнее коромысла, которое она держала на плечах с обворожительною ловкостью; он заглядывал в полные ведра, чтобы видеть в них отражение миловидного ее личика. Словом, все мечтательные глупости сентиментальных романических любовников выполнял он на самом деле, и еще с разными добавками, с разными утончениями. Он почти не выходил из светлицы просвирниной, ибо ему строго было запрещено видеться с Малашей иначе, как перед глазами ее матери; а мы уже знаем, что Валерий всегда был покорнейшим слугою чужой воли.

Увы! не долги были сии тихие, невинные наслаждения! Не долго жил всею полнотою души несчастный друг наш, Валерий Терентьевич! На третий день после известного нам признания, в два часа полудни, раздался необыкновенный стук на большой улице мирного

городка***. Стук приближался, усиливался - и перед воротами просвирнина домика остановилась большая дорожная карета. Два долговязых лакея в богатой мишурою ливрее, соскочили с запяток, отворили дверцы, опустили подножку - и по ней медленно и важно спустилась тучная Маргарита Савишна, одетая со всею пышностью знатной барыни (в этом заключалось у ней особое намерение, а именно - чтобы блеском и пышностью ослепить и унижить просвирню и дочь ее). Старуха и Малаша вздрогнули; Валерий, бывши тогда у них, побледнел как полотно и опрометью выскочил на улицу, встретить нежданную и незваную гостью. "Веди меня в свою комнату!" проговорила она повелительным голосом и с суровым взглядом, отдернув прочь руку, которую Валерий хотел поцеловать. И он за своею матерью побрел, как теленок. Вслед за своим мясником бредет к кровавой колоде.

- Неблагодарный сын! - воскликнула Маргарита Савишна, войдя в комнату и сев на лавке, в переднем углу. - Так ли ты платишь за материнские мои попечения, за ту высокую образованность, которою ты мне обязан?

- Матушка, бесценная родительница! - говорил Валерий, всхлипывая, - чем заслужил я гнев ваш?

- Чем? безрассудный! Я все знаю. Думаешь ли ты утаить от меня свою низкую, презренную страсть, свои преступные замыслы?

- Успокойтесь, матушка, - отвечал Валерий, приоса-нясь. - Страсть моя благородна, предмет ее достоин обожания, и намерения мои чисты.

- Тебе ли говорить это, мелкое исчадие рода Выше-глядых? - вскрикнула раздраженная Маргарита Савишна громовым голосом. - Недостойный выродок своих предков! ты мечешь под ноги те преимущества, которые они тебе передали, те права, которыми они тебя наделили.

- Матушка, матушка! я ценю преимущества сердца невинного и души ясной, признаю права матери-природы!

- Так ты не боишься гнева моего? не боишься проклятий, которые обрушу я на твою голову?... С кем ты говоришь? Разве с обыкновенною женщиной? Забыл ли ты, какую силою духа закалены мой ум и характер?... О! если бы не нынешний, вялый порядок вещей, я показала бы этим ничтожным тварям, этим пресмыкающимся гадам, каково мщение раздраженной женщины моей породы! Я отравила бы каждую минуту их существования, я превратила бы в пытку самый воздух, которым они дышат, я поразила бы их тысячею смертей; их стоны были бы для меня усладительною музыкой...

- Матушка, матушка! пощадите! о, пощадите! - пролепетал Валерий, почти без памяти упав перед ней на колени.

- Оставишь ли ты свое сумасбродство? откажешься ли от презрительной своей страсти? разорвешь ли те постыдные цепи, которыми спутан?

- Нет, это уже слишком! это свыше сил человека! - сказал Валерий, встав и выпрямясь. - Вы властны делать со мною что угодно: лишить меня наследства, заключить в темницу, терзать меня всеми возможными муками... Но заставить меня отречься от сладостнейшей моей мечты, переменить предопределение судеб, вырвать из меня заживо половину сердца, - о! этого не вы, ни что в мире не может сделать.

- Хорошо! - отвечала Маргарита Савишна с грозным хладнокровием обдуманной мести. - Следуй за мною.

Валерий безмолвно повиновался. Она вывела его на улицу, велела отпереть карету,

втокнула в нее своего сына и заперла ключом дверцы кареты. И между тем как Валерий прощался взорами с Малашей, грустно смотревшею в окно своей светлицы, Маргарита Савишна в стороне приказывала Трофиму Чучину переговорить со старою просвирней, употребить и угрозы, и обещание наград, чтоб она скорее выдала дочь замуж, а по использовании сего поручения возвратиться с коляской и поклажей в деревню. Окончив сей наказ, Маргарита Савишна отперла дверцы, села в карету, опустила шторы у каретных стекол и велела людям во весь опор скакать по дороге к Закурихину.

Старуха Селифонтьевна, мать Малаши, была женщина с характером, может быть, вторая Маргарита Савишна в черном теле. Она решительно отвергла все предложенные ей условия, не щадя обидных колкостей барыне и ее поверенному; объявила сему последнему, что она ни за что в свете не откажется от будущего своего зятя, Валерия Терентьевича; что дочь ее еще очень молода и может подождать, пока нареченный ее жених сделается сам себе господином; что она, просвирня, не хуже иных-прочих; что хотя бог не наделил ее богатством, а все-таки у нее водится копейка про черный день, и что наконец дочка у нее моленая, прошенная у бога, а не продажная. Сысоевич должен был выслушать все это, заплатить старухе за постой, не выторговав ни гроша, и отправиться в Закурихино, повесив голову от неуспешности своих переговоров.

Маргарита Савишна между тем уже возвратилась домой, уже ввела Валерия в северную башню, построенную ею незадолго перед тем на одном углу дома, по плану, начитанному в каком-то разбойничьем романе. Башня сия снаружи обита была сосновыми драницами, выкрашена дикою краской под цвет гранита и по швам облеплена мхом, чтобы дать ей вид более древний и более угрюмый. Окна в ней были маленькие, круглые, сделанные высоко от полу. Комната, назначенная для Валерия, стояла лицом на большую дорогу, и чтобы заключеннику удобнее было смотреть на свет божий, у окна сделаны были подмости о нескольких ступеньках. Впрочем, для узника заранее приготовлены были все удобства жизни в этой темнице, даже все, что составляло любимые его занятия. Илюшка Лыкодеров, высокий, ражий, плечистый мужичина, произведен был из лесничих в тюремщики. Он расхаживал увесистым шагом у наружных дверей башни, в смуром камзоле, в высоком кожаном картузе, сделанном наподобие шлема, с черною бахромою по гребню. Страшно было видеть, когда при лунном свете Илюшка Лыкодеров стоял неподвижно как привидение и дремал, опершись на древко ржавого своего бердыша, и когда длинная тень его черным очерком рисовалась на мрачной стене северной башни!

Бедный узник, заключенный в стенах ее, лил неиссякавшие ручьи слез. Если бы пора Овидиевых превращений не миновала, он верно бы разлился рекою, как Ахелой. Напрасны были все старания деятельной просвирни, напрасно она доносила суду, что Маргарита Савишна томит сына своего в тяжкой неволе: когда суд приехал с повальным обыском, то Валерий Терентьевич со слезами объявил, что он, жалкая жертва ударов строгой судьбы, сам добровольно обрек себя на заключение. Самоотвержение истинно великодушное! Но оно не подействовало на черствое сердце Маргариты Савишны: Валерий по-прежнему остался узником под надзором Илюшки Лыкодерова. Там сидит он и теперь, у окна башни, устремля слезящий взор в синюю либо туманную даль, бессменно мечтая о незабвенной Малаше, которая для него отказывается от всех женихов и, произвольный отверженец свободы, ждет оной от какого-то чуда, в каждом облаке пыли, поднимающемся на большой дороге.

А Маргарита Савишна? она по-прежнему читает романы и тучнеет год от году, опровергая тем мнение физиологов и поэтов, что будто бы ненависть и мщение сушат человека и медленно подтачивают жизнь его. Посмотрели бы они на Маргариту Савишну!

Если между нашими современниками найдутся еще странствующие рыцари, защитники гонимой невинности, достойные последователи Амадисов, Эспландианов и Галаоров, то мы приглашаем их съездить в село Закурихино, отыскать северную башню, сразиться с исполином Илюшкою Лыко-деровым и вывести из заточения друга нашего, Валерия

Терентьевича. Подвиг сей покроет их неувядаемою славою и докажет свету, что в наш век не все сердца облиты холодным эгоизмом.